

Джангар Пюрвеев,
кандидат искусствоведения

Изучая историю любого народа, входящего в дружную семью народов СССР, с радостью для себя мы открываем удивительный мир красоты и мудрости народной, из которого можно, как из бездонного колодца, черпать силу и вдохновение для творчества. Поэтому проблема изучения, освоения и охраны духовных и материальных памятников национальной культуры народов СССР в современных условиях особенно актуальна, так как дает возможность увидеть и сравнить духовный рост развития народов на определенном историческом этапе, а также раскрывает те важные процессы, которые протекают в ду-

Автобусная
станция.

Культурное наследие кочевников

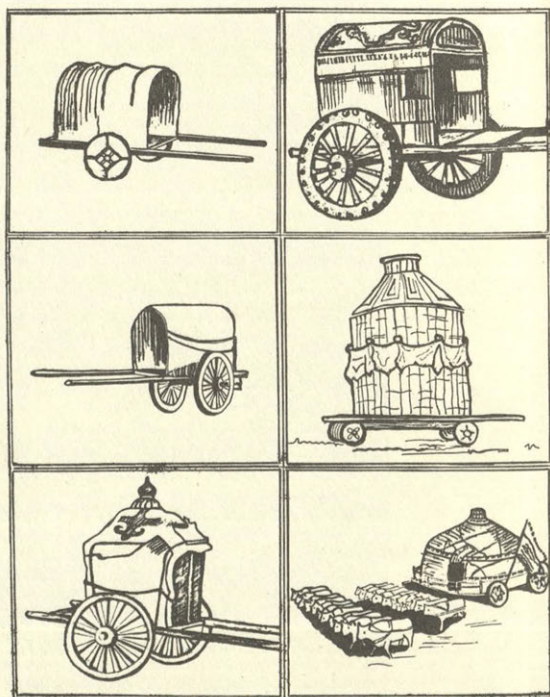
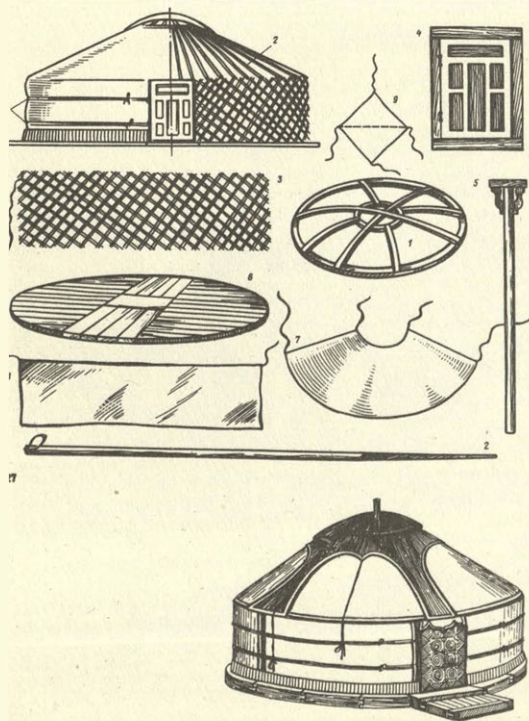
ховной жизни советского общества. Эти процессы особенно четко прослеживаются при рассмотрении особенностей развития культуры оседлых и кочевых народов, входящих в Российскую Федерацию. И если вопросы, связанные с изучением культуры оседло-земледельческих народов России, более или менее исследованы, то вопросы эволюции культуры кочевников еще находятся на начальной стадии изучения.

Культура кочевых народов — необычайно сложное и многообразное явление. Она охватывает художественное творчество многих стран и народов, основой социально-экономической жизни которых было кочевое животноводство. На территории современной Калмыкии, Алтая и Бурятии на этой основе с давних пор существовали различные художественные школы и центры.

В настоящее время кочевые народы перешли на оседлый образ жизни и вместе со всем советским обществом создают материально-техническую базу коммунизма, однако

Термин «кочевая» исключает понятия «капитальное», «стационарное», «монументальное». Как же тогда квалифицировать великолепные переносные дворцы из шелка, войлока и сандала, которые производили не меньший эффект, чем мраморные шедевры античности, каменные чудеса королевского средневековья? А ведь перед зодчими-кочевниками, поставленными природой в более сложные условия, чем те, кто в достаточном количестве имел «вечный» строительный материал, камень и мрамор, архитектурная задача усложнялась во много-много раз. К тому же владыки величественных кочевых держав, покорители мира, вряд ли были менее капризны и прихотливы в своих вкусах, чем любые другие венценосцы.

Тем не менее это дворцы в полном смысле слова, просторные, роскошные. Пространственные конструкции посреди пустой степи, вмещающие в себя до десяти тысяч человек. Разве это не разрешение той же проблемы, которую ставили перед собой создатели мону-

исторически сложившиеся архитектурные и культурные традиции кочевников получили новое качественное развитие в советской национальной архитектуре. Поэтому краткий экскурс в архитектуру и искусство калмыков, одного из представителей бывших кочевых монгольских народов, позволит нам обобщенно и образно представить самобытную кочевую культуру.

ментальных сооружений, древние строители храмов и дворцов Греции, Рима, Вавилона и Египта?

Чудеса неповторимого и уникального зодчества, казалось, навсегда растворились в веках, но имеем ли мы право считать их несуществовавшими, если имеем точные описания, сохраненные древними рукописями и народным эпосом? Из восточных рукописей

XIII века мы узнаем, что дворец хана представлял собой большой пространственный шатер, который вмещал несколько сот человек и ставился ханом в особо торжественных случаях. Так как столбы и порог в нем были обернуты листовым золотом, его называли «Золотой орго» (ёргё — по-монгольски дворец, отсюда и произошло «Золотая Орда»).

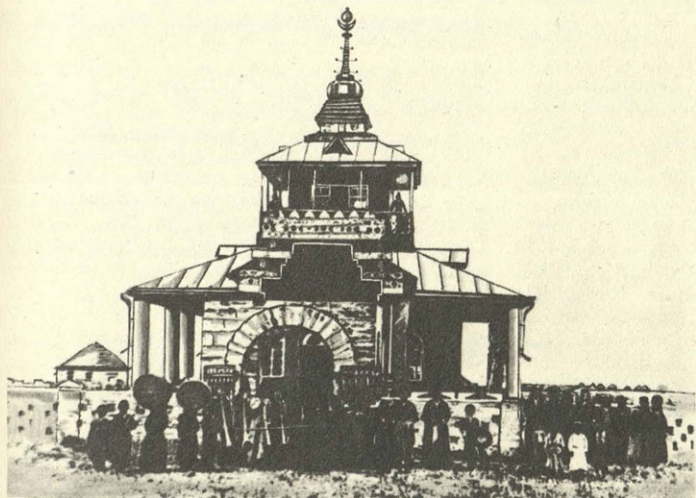
В общемонгольском героическом эпосе «Джангар» сохранились такие описания великолепных степных сооружений, датированных согласно эпосу XIV веком:

«И собрав народ поскорей,
Там, где белый бежал океан,
Около ставки Шикширги
Белый поставили новый шатер.
Из сорока решеток складных.
Восемь тысяч жердочек в них.
Шкурами барсов был он покрыт.
Празднества были устроены там,

животных: лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, овец и коз.

Из шерсти овец кочевник валяет войлок, чтобы потом превратить его в теплые легкие стены. Шкурами животных покрывает пол. Все, что находится внутри и снаружи жилища, сделано из продуктов животноводства. Значит, степь не так уж и пуста, как может показаться с первого взгляда, если человек смог найти в ней все, чтобы жить, чтобы обстроить и украсить свой кочевой быт.

Войлочные стены кибитки, выполненные из шкур и шерсти животных, переносные. Легкий деревянный каркас быстро собирается и разбирается. Подобно деревянному срубу, каменному строению, жилище кочевника имело все необходимые архитектурные элементы и отвечало требованиям природно-климатической среды. Перед нами не подобие жилища, а настоящий образец конкретного архитектурного типа — кочевого, сборно-разборного, строго подчиненного особенностям быта и хозяйства, выработанного на протя-

Каменный храм из Большого хурала бывшего Больше-дербентовского улуса Ставропольской губернии.

Сидели в раздолье пира они,
В блаженстве счастья и мира они...»

(«Джангар», песнь 2-я)

Архитектура закрепляет систему жизненных процессов своими материальными формами. Обширные степные пространства Калмыкии служили кормовой базой для разведения традиционных для монгольских народов

животных длительного исторического развития. Это «ишня гер» по-калмыцки, «кийиз уй» — по-тюркски; как кибитка и юрта известна она у европейцев. В ней кочевник нашел защиту от летнего зноя и суховея, от морозов и снежных вьюг, круглый год она гармонично и органично служит кочевнику.

На всем громадном пространстве степей от Черного моря до предгорий Алтая, занимае-

мом различными кочевыми народами, с древнейших времен сложился один и тот же способ производства — кочевое животноводство и соответствующие ему типы кочевой архитектуры: юрта, употребляемая как жилище на протяжении круглого года, и временный тип жилья — палатка.

На протяжении веков кочевая юрта не претерпела особых изменений, оставаясь самым удобным и практичным жильем для скотовода, разумно и всесторонне приспособленная к природе. Многовековая эволюция кочевого жилища выработала четкие ее пропорции и правила сборки и разборки. Оригинально решены вопросы освещения и воздухообмена. Другая особенность юрты в том, что она служит своеобразными солнечными часами у кочевников. Солнечный луч, попадая в юрту через верхний круг, скользя по решеткам стены, дает возможность ее обитателям точно определять время. Прочный пористый войлок отвечал всем теплофизическим потребностям обитателей жилища. Основной объем юрты состоит из стен (низкий цилиндр из составных решеток) и крыши (конической или сферической формы) с дымоходом. Кочевое жилище среднего размера в разобранном виде весит приблизительно 300 килограммов — тяжесть, посильная одному верблюду.

Интерьер кочевой юрты выглядел очень красочно. Все ее детали, включая и убранство, отличались продуманностью форм и строго отвечали своему назначению, продиктованному спецификой кочевого уклада. Мебель была невысокая, располагали ее обычно по периметру стен. Детали мебели, особенно алтарь, богато украшались резьбой, скульптурой. Деревянные жерди и верхний круг юрты — уины и харачи — окрашивались в яркие цвета, в которых преобладал красный цвет. Характерной особенностью интерьера юрты монгольских народов было то, что в «красном углу» появлялись живописные буддийские иконы — дарцики и скульптура, которые изготовлялись художниками, получавшими специальное образование в буддийских монастырях. Пол застилался в летнее время вышитой кошмой, а в зимнее время — шкурами.

Удобство и целесообразность юрты были по достоинству оценены и сопредельными оседлыми народами, например китайцами, которые в древности использовали ее по мере необходимости в качестве жилья.

Так, например, китайский поэт VII века Бо-Цзюй посвятил голубой юрте целую оду, которая в поэтическом переводе Л. Н. Гумилева звучит так:

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две связали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив...

Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердее грудь.
Нет в ней ни застенок, ни углов,
Но внутри уютно и тепло...

Войлок против инея — стена,
Не страшна и снега пелена.
Там меха атласные лежат,
Прикрывая струн певучих ряд...

Даже пологу из орхидей
Не увлечь из этих юрт людей.

Тем, что в шалахах из тростника,
Мягкая зима и та горька.

Кочевые жилища были не только сборно-разборные, но и стационарные, установленные на специальные телеги. Жилища на колесах в зависимости от своих размеров были двух- и четырехколесные. Четырехколесные телеги, употреблявшиеся калмыками еще во времена Марко Поло, впоследствии исчезли, двухколесные дожили в Калмыкии и Монголии до нашего времени.

Таким образом, рожденное в недрах кочевой степи, передвижное жилище становится основой для образования и развития общественной, культовой и жилой построек в кочевых условиях.

Особенности различия форм ведения хозяйства кочевых и оседло-земледельческих народов выработали различную по своему характеру архитектуру, специфику которой отразилась не только в жилых и общественных постройках, но и в планировке поселений. Архитектурные сооружения, в которых кочевые народы живут и осуществляют многообразную деятельность, представляют материально организованную среду. Но в отличие от стационарных сооружений оседло-земледельческих народов, строивших из долговечных строительных материалов — камня, кирпича, металла, бетона, сооружениям кочевников была придана мобильность, которая продиктовала и выбор легких строительных материалов — кожи, войлока, дерева, ткани.

Социальный тип жилища кочевников породил сходный тип монументальных культовых и общественных построек, которые у кочевников, перешедших на оседлый образ жизни, лишь облекались в более долговечные строительные материалы. Рассмотренные нами два типа архитектурных сооружений выступают в качестве основных градообразующих единиц кочевого города.

До XII века у монгольских народов, в том числе калмыков и бурят, существовал куренной способ кочевания (курень — круг, кольцо). По принципу куреня позже стали располагаться ставки (орды) вождей, военные лагеря, кочевые монастыри и другие населенные пункты кочевников Центральной Азии.

Орда, как ставка вождя, существовала у кочевых народов Центральной Азии еще во времена гуннов (III—V вв.). Внешне такая ставка представляла собой комплекс из нескольких тысяч сборно-разборных сооружений с четкой, функционально-организованной планировочной структурой. Сама циклическая система перемещения, перекочевки по пространству степи выработала два вида ставок: кочевые временные ставки (орды), возникавшие во времена походов или во времена летних перекочевок, и полуседлые, полустационарные ставки-города (хото), служившие столицами и монастырями, крепостями, торговыми поселениями, образовавшимися в результате сосредоточения ремесленников, торговцев, пленников, семей воинов, например Каракорум, Барсхото.

В Каракоруме (тогда столице Монгольской империи) стационарные сооружения строились пленниками из Европы, Средней Азии, Китая. В самом городе были расположены слободы ремесленников, строителей и т. д. из разных частей света. Согласно летописным

сведениям в Каракоруме существовали костелы, мусульманские мечети, буддийские храмы и даже русские православные церкви. Известно, что в 1249 году русский князь Александр Невский посетил Каракорум и был принят в ставке хана. Тогда же Александр Невский побывал и в русской слободе.

Характернейшей особенностью передвижных и стационарных городов кочевников является то, что планировочная структура у них была общей, берущая начало от древних куреней. В организации населенных пунктов в степи у кочевников выработалась и сложилась определенная система и структура плана застройки поселений. Постепенно в монгольских ордах и хото различные социальные группы населения обособляются друг от друга, храмовые и дворцовые постройки выделяются из основной массы строений, но принцип круга долго еще остается основным при застройке населенных пунктов. Эти принципы сохранились в застройке населенных пунктов Калмыкии.

В специальных теоретических трактатах по архитектуре и изобразительному искусству, написанных на древнемонгольском и тибетском языках, до сих пор еще не изученных и не переведенных на европейские языки, излагались основные правила, необходимые зодчим, строителям и художникам при застройке населенных мест, городов, монастырей.

Так, в «Каноне переведенных откровений», известном под названием «Ганжур», и в «Каноне переведенных трактатов» — «Данжур», которые были составлены в XIV в. тибетским ученым Будоном из переводов на тибетский язык различных индийских, буддийских и небуддийских оригиналов, имеются указания о пропорциях и правилах возведения культовых, гражданских сооружений и городов.

Живописные и подробно описанные иконы «Мандал-хото», широко распространенные в дацанах и монастырях дореволюционной Бурятии и Калмыкии, являлись ритуальным изображением идеального «райского города». Эти положения брались за основу при проектировании как отдельных сооружений, так и градостроительного комплекса. Они включали в себя строгую ориентировку по странам света. Символом центра Вселенной как основного пространства, в котором должен находиться социально важный объем, являлась центральная площадь, культовое место. Принцип моделирования Вселенной использовался, таким образом, как в религиозном творчестве, так и при подчинении себе пространства не ритуальными, а чисто потребительскими жилищно-бытовыми целями.

Недаром размах и сложность строительства кочевых и стационарных городов Монгольской империи XIII века вызвали необходимость учреждения должности главного зодчего, который имел специальные знания и был наделен полномочиями. Такие должности были введены у большинства великих князей, родственников хана. Так, в записках Чан Чуня, современника той эпохи, упоминается Чжан Гук — главный зодчий Чагадайя, второго сына Чингис-хана.

Сравнение принципов формирования архитектуры у кочевников и оседлых народов показывает, что архитектура имеет общие закономерности, которые прослеживаются как в

зодчестве народов, ведущих оседло-земледельческий способ хозяйства, так и в кочевой архитектуре; имеет много общих черт и одновременно существенные различия, связанные с характером хозяйствования и быта.

Современный научно-технический прогресс, который бурно и настойчиво входит в нашу жизнь, выявил необходимость существования старых, сложившихся национальных традиций и новых явлений эпохи. «Сегодня» является началом «завтра», как и продолжением «вчера». «Из корней прошлого вырастает цветок настоящего, а в бутоне цветка настоящего зреют плоды будущего», — гласит монгольская народная пословица. Человек испытывает сейчас обостренный интерес к культурному наследию, пытается найти в нем истоки для решения многих нынешних проблем. Ведь новая технология, новые строительные материалы, новая техника позволяют реализовать любой творческий замысел.

В настоящее время интерес к проблеме мобильности архитектуры возрастает во всем мире. Например, в США треть населения пользуется мобильным жильем. В СССР эта проблема также получила свое развитие в процессе освоения новых районов Севера, Средней Азии, на строительстве БАМа.

Применение передвижных, оснащенных современным оборудованием вагончиков, прицепов, сборных домов является сегодня не разрозненными примерами, но системой использования исторически образованного типа архитектуры. Мобильность как исторически сложившийся принцип освоения природных пространств сохраняется и совершенствуется, получает новое социальное содержание.

Мустай Карим

Я — РОССИЯНИН

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.

Свою жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.

Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете выше! —
С моей судьбой свою соединил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Пять жизней дай!
Им может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

С башкиром русский — спутники в дороге,
Застольники — коль брага на столе,
Соратники — по воинской тревоге,
Навеки сомогильники — в земле.

Когда же целовались, как два брата,
С могучим Пугачевым Салават,
В твоей душе, что дружбою богата,
Прибавилось любви, мой русский брат.

Не русский я, но россиянин. Чести
Нет выше. Я страны Советской сын.
Нам вместе жить и подниматься вместе
К сиянию сверкающих вершин.

В душе моей — разливы зорь весенних,
В глаза мои луч солнечный проник.
На сердце — песня радости вселенной,
Что сквозь века пробилась, как родник.

И полюбил я силу в человеке,
И научился радость жизни брать.
За это все, за это все — навеки
Тебе я благодарен, русский брат.

Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил,
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Десятку жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

Перевод с башкирского М. Дудина

Хазрет Ашинов

У КАРТЫ

Монархи с карт стирали Адыгею
столетьями. Когда б они могли,
то стерли бы ее с лица Земли,
мгновения о том не сожалея.
Но вот, водимый лининской рукою,
прошелся по бумаге карандаш.
Любой район, любой поселок наш
был обозначен с точностью такую
непостижимой, что, коснувшись взглядом
той карты, ясно верим и сейчас:
он знал, как сына, каждого из нас,
с любимым из нас, как с братом, был он рядом!
...Нас обходило счастье. Так обходит
охотника, таясь, лесная лань.
Мы видели врага, куда ни глянь.
И знал нас враг, как дичь свою — охотник.
Но не было ни маленьких селений,
ни маленьких народов для него,
ни маленьких людей! И оттого
Так родственны слова «отец» и «Ленин».
Мы старимся. Вершины одевает,
касается висков наш поздний снег.
Мы старимся, как все на свете. Нет!
Любовь народа возрастает не знает!

*Перевод с адыгейского
В. Луговского*